Серия

Дедукция

Артур Моррисон

Хроники Мартина Хьюитта

Хроники Мартина Хьюитта

Arthur Morrison

Chronicles of Martin Hewitt

1895

Артур Моррисон

Хроники Мартина Хьюитта

Издательство Самозанятый Кузнецов А.Г.
Тимашевск
2022
deductionseries.blogspot.ru

Дело о завещании Холфорда

Подобно, наверное, большинству людей, я в свое время немного интересовался психологией, что погрузило меня в страницы странных и непонятных книг, которые пытались объяснить феномен ума, души и чувств. Я уверен, что об этих трех аспектах истинной природы никто и никогда не узнает больше того, что мы знаем сейчас – а это ничто.

Затем я принялся за многочисленные тома трудов «Общества психических исследований», время от времени переключаясь на ментальную телепатию и теософию – предметы, которые мой обывательский рассудок никак не хотел постигать.

Именно в те дни, когда я заинтересовался всеми этими явлениями, я и спросил у Хьюитта, встречался ли тот во время своих расследований с какими-нибудь странностями, что так подробно описываются в книгах о духах, призраках, полтергейстах, ясновидении и тому подобном.

– Ну, – задумался Хьюитт, – я не попадал в такие сверхъестественные истории, как те достойные люди, о которых говорится в твоих книгах, и какими бы необычными не казались мои небольшие приключения, в их основе всегда лежало что-то реальное. Твои парапсихологи могли бы заинтересоваться одним-двумя случаями, но они были бы разочарованы из-за их простого объяснения. Однако у меня есть одно дело, которое могло бы вызвать у них неподдельный интерес; хотя даже в нем нет ничего такого, что не могло бы быть объяснено при помощи науки.

И он приступил к рассказу, который я записал ниже. Думаю, я уже когда-то упоминал о том, что началом карьеры Хьюитта как профессионального частного сыщика послужила его связь с известным делом о завещании «Бартли против Бартли и других»: благодаря его усилиям, его тогдашние наниматели, господа Креллан, Хант и Креллан, смогли подтвердить свою весьма высокую репутацию поверенных. Спустя лет десять после того дела мистер Креллан-старший (глава фирмы) отошел от дел, и по случайности его новая встреча с Хьюиттом снова оказалась связана с завещанием.

В телеграмме, возобновившей их знакомство, Хьюитт прочел:

Можете ли вы немедленно прибыть по частному делу? Я буду встречать в Гилфорде поезд 11:35 от Ватерлоо. В случае невозможности или опоздания, пожалуйста, телеграфируйте. Креллан.

Поскольку в тот день у Хьюитта не было других дел, у него оставалось целых полчаса на то, чтобы успеть на поезд. Схватив дорожную сумку, всегда стоявшую собранной на случай внезапного отъезда, Хьюитт быстро добрался до Ватерлоо, и в половине первого сошел в Гилфорде. Мистер Креллан, крепкий седовласый джентльмен в очках с золотой оправой, ожидал его в крытом экипаже.

– Как поживаете, мистер Хьюитт, как поживаете? – воскликнул пожилой джентльмен, как только они встретились, схватив Хьюитта за руку и потащив к экипажу. – Я рад, что вы прибыли, очень рад. Погода ясная, и вы могли бы предпочесть что-нибудь с открытым верхом, но я прибыл на этом экипаже, так как хочу поговорить приватно. Последние несколько лет я влачу здесь столь однообразное существование, что любое событие возбуждает меня, и я уверен, что не смог бы молчать во время пути. Держать все в себе было достаточно тяжело.

Двери закрылись, и экипаж начал путь. Мистер Креллан положил руку на колено Хьюитту.

– Надеюсь, я не оторвал вас от какого-либо важного дела?

– Нет, вы избрали самое подходящее время. На самом деле я подумывал о том, чтобы устроить себе выходной, но тут пришла ваша телеграмма…

– Да-да. Знаете, после того, как я отправил ее, я почти устыдился. Потому, что это, наверное, очень простое дело и вы вряд ли сможете помочь. Несколько лет назад я бы вообще не придал этому значения. Но, как я уже говорил, отойдя от дел, я веду до того бесцветное существование, что меня расстраивает всякая мелочь, и у меня не хватает силы духа, чтобы решиться отправиться куда-либо на ужин. Вы – старый друг, и я уверен, вы простите меня за то, что я затащил вас в эту дыру из-за дела, которое может показаться вам до смешного простым, ведь вы погружены в настоящие дела. Если бы я не знал вас, то у меня не хватило бы нахальства побеспокоить вас. Но не обращайте на это внимания. Я расскажу, в чем дело.

Помните, я говорил о близком друге, мистере Холфорде? Нет? Ну, это было довольно давно, а возможно, я и не упоминал о нем. Он был прекрасным человеком – стариком вроде меня, он был старше на два-три года. Мы дружили много лет; с тех самых пор, когда мы поселились в одном доме, когда я был клерком, а он – студентом. Он рано оставил медицинскую профессию, получив большое состояние и уехав жить в тот дом, куда мы направляемся, Ведбери-Холл.

Уйдя в отставку, я поселился неподалеку, и мы были отличной парой старых приятелей – до прошлого понедельника, то есть до позавчерашнего дня, когда мой бедный старый друг умер… Он был достаточно преклонных лет – ему было семьдесят три, а никто не может жить вечно. Но уверяю вас, это ужасно меня расстроило, так что я стал глупить еще сильнее, тогда как мне в это время нужно было сохранять здравый рассудок.

Причина, по которой мне нужен рассудок, и по которой я вызвал вас, такова: я не могу разыскать завещание бедняги Холфорда. Я составил его завещание несколько лет назад, и в нем я назначен единственным душеприказчиком. Уничтожить его он не мог – я убежден в этом, ведь он рассказывал мне обо всех своих делах. Я всегда был его единственным советником, так что я уверен – он бы обговорил со мной любые изменения завещания прежде, чем сделать их. Более того, я знаю, что он никак не мог умереть, не оставив завещания.

– Почему? – спросил Хьюитт, поскольку мистер Креллан сделал паузу.

– Холфорд был вдовцом, и собственных детей у него не было. Его жена умерла около пятнадцати лет назад, она была прекрасной женщиной и образцовой женой, и была бы образцовой матерью, если бы стала таковой. Она удочерила маленькую девочку, ставшую сироткой в два годика. Отец ребенка, бизнесмен по фамилии Гарт, разорился и, обезумев, покончил с собой, а его жена умерла от стресса, вызванного несчастьем.

Как я уже говорил, ребенка удочерила миссис Холфорд, и для моего старого друга она стала дочерью. Даже к родной дочери он не смог бы привязаться сильнее, да и девушка стала ему прекрасной дочерью. Хотя у него была постоянная сиделка, во время его последней болезни она не отходила от него ни днем, ни ночью, пока не слегла сама.

В своем завещании мистер Холфорд завещал мисс Гарт больше половины своего состояния, очищенного от долгов и прочего. Остальное было распределено по-разному. Отойдя от дел, Холфорд проводил свой досуг, в основном занимаясь наукой. Таким образом несколько выплат причиталось научным обществам; также не были забыты и все слуги; мне он оставил некоторое число книг; также очень приличная сумма отходила его племяннику, мистеру Крэнли Меллису – един-ственному ныне здравствующему родственнику мистера Холфорда. Так что вы видите, что значит утрата завещания. Мисс Гарт должна была получить большую часть имущества ее приемного отца, но ей не достанется ни единого шиллинга, так что она окажется совсем без средств. Один-два человека из старых слуг также попадут в неловкое положение – жить им будет не на что, а работу они вряд ли смогут найти.

– Конечно, все отойдет племяннику? – спросил Хьюитт.

– Конечно. Если только я не попытаюсь подтвердить его завещание при помощи черновика, который мог сохраниться у меня. Но даже если он и сохранился, и если я смогу разыскать его, то последует долгая и дорогостоящая судебная тяжба, которая, по всей вероятности, будет проиграна.

– Так, значит, вы уверены, что мистер Холфорд не уничтожил завещание?

– Я совершенно уверен, что он не стал бы ничего делать, не сообщив мне; и я уверен, что он бы сначала посоветовался со мной. Более того, не может быть такого, чтобы он намеревался оставить мисс Гарт совсем без средств – это было бы, как если бы он лишил наследства собственную дочь.

– Вы часто виделись с ним?

– С тех пор, как я переехал сюда, я виделся с ним почти каждый день. А во время его болезни (она длилась месяц) я приходил к нему ежедневно.

– И он ничего не сказал о том, что уничтожил завещание?

– Ничего. А после первого приступа, точнее, в тот день, когда я впервые обнаружил его в постели, рассказав мне о самочувствии, он добавил: «В случае моего ухода всё пойдёт именно так, как я задумал». Мне показалось, что он имел в виду свое завещание – что оно полностью соответствует его воле.

– Похоже на то. Но адвокат другой стороны (если бы таковая существовала) мог бы утверждать, что он намеревался умереть без завещания, и потому он уничтожил его – и это соответствует его воле. Но что вы от меня хотите? Чтобы я нашел завещание?

– Конечно, если сможете. Мне кажется, что вы, с вашей умной головой, сможете куда лучше меня рассудить, что произошло и кто несет ответственность. Поскольку если завещание забрали, то это дело чьих-то рук.

– Вероятно. Вы кому-нибудь говорили о данном затруднении?

– Ни одной душе. После смерти мистера Холфорда я прибыл как можно скорее, и мисс Гарт отдала мне все ключи, так как я был душеприказчиком, и, учитывая необычность ситуации, я хотел убедиться, что все в порядке – как вы знаете, по закону после смерти за имущество несёт ответственность душеприказчик. Хотя, конечно, раз нет завещания, то и я не душеприказчик. Но я подумал, что лучше умолчать об этой сложности, пока я не увижусь с вами.

– Совершенно верно. Это Ведбери-Холл?

Экипаж проехал мимо сторожки привратника и двинулся по широкой подъездной дороге к старинному особняку из красного кирпича. Массивные каменные стены строения были характерны для архитектуры начала восемнадцатого века.

– Да, – ответил мистер Креллан, – это он. Я думаю, мы пройдем прямо в кабинет, и там я объясню детали.

Обстановка кабинета говорила о привычках и интересах покойного мистера Холфорда. Кабинет был наполовину библиотекой, наполовину лабораторией: заспиртованные уродцы в баночках, одна-две реторты, пробирки на письменном столе и окаменелая ящерица были окружены книжными полками, расставленными вдоль стен. В нише между двумя книжными шкафами стояло массивное старинное бюро из красного дерева.

– Оно было в этом бюро, – объявил мистер Креллан, указав пальцем, – в нем мистер Холфорд хранил все мало-мальски важные или ценные документы. Я видел его за ним сотни раз, и он

всегда утверждал, что оно так же безопасно, как железный сейф. Может это и не так, но бюро определенно надежное. Посмотрите.

Хьюитт снял с него крышку и выдвинул ящик, который мистер Креллан отпер для него.

– Испанское красное дерево в дюйм толщиной, массивное, твердое и как следует обработанное, – заключил сыщик. – Совсем не то, что встречается в наши дни. Замок Чабба ранней модели, но такой не взять ничем, кроме взрывчатки. И если на бюро нет следов взлома, никто не пытался его вскрыть.

– Как я уже говорил, в нем мистер Холфорд хранил завещание. Я часто видел его, когда мы были здесь вместе, и он держал его вот в этом ящике – верхнем справа. Завещание занимало всего лист бумаги и, конечно, хранилось сложенным – в голубом конверте.

– Когда вы в последний раз видели завещание?

– Я видел его в руках моего друга – за два дня до того, как он слег. Он всего лишь взял его в руку, чтобы положить в ящик что-то еще, а затем вернул завещание на место и снова запер ящик.

– Конечно, здесь есть и другие ящики, а в доме есть и другие бюро. Полагаю, вы тщательно осмотрели их?

– Заверяю, я перерыл весь дом в поисках завещания, но от него не осталось и следа.

– Полагаю, вы подумали и о секретных ящиках?

– Да. Я всегда знал, что в бюро есть два тайных ящика. Вот они, – мистер Креллан надавил на заднюю стенку бюро, и дощечка снизу отодвинулась, обнажив два неглубоких ящичка с маленькими защелками из слоновой кости вместо ручек. – Там пусто. И, как я уже говорил, завещание хранилось в другом ящике. Прочие бумаги все еще находятся в нем.

– Кто-нибудь еще знал, где мистер Холфорд хранит завещание?

– Думаю, все в доме. Он был открытым человеком. Его приемная дочь знала, и дворецкий знал, и не было никаких причин, по которым остальные слуги не могли этого знать, так что, наверное, они и знали.

– Во-первых, удостоверимся, что в этом бюро нет других тайников. Заприте дверь, чтобы никто не вошел.

Хьюитт вынул из бюро все ящики, осмотрев их со всех сторон перед тем, как отложить. Затем он достал пару серебряных штангенциркулей и карманную линейку из слоновой кости – ими он измерял и сравнивал размеры, постукивая по дереву. Наконец, он удовлетворенно встал на ноги.

– Здесь определенно больше ничего не скрыто, – объявил он.

Ящики вернули на место, и мистер Креллан предложил пообедать. По просьбе Хьюитта обед принесли в кабинет.

– Итак, мы пока что пришли к следующему, – сказал Хьюитт. – Мистер Холфорд либо уничтожил свое завещание, либо хорошо спрятал его, либо же его кто-то украл. Первое из предположений вы отвергаете.

– Я ни на мгновение не верю в этот вариант. Я уже говорил почему; и, как вам известно, я хорошо знал Холфорда. По тем же причинам я уверен, что он не прятал его.

– Тогда хорошо. Кто-то украл его. Вопрос: кто?

– Вот именно.

– Как мне кажется, у всех в этом доме был явный интерес сохранить завещание. Как вы сказали, всем слугам что-то причитается, но без завещания они, конечно, ничего не получат. Мисс Гарт крайне заинтересована в завещании. Насколько мне известно, единственный человек, выигрывающий от исчезновения или уничтожения документа – племянник, мистер Меллис. Вы сказали, что не было других родственников, которым отсутствие завещания на пользу?

– Ни одного.

– Тогда что думаете вы сами? У вас есть подозрения?

Мистер Креллан пожал плечами.

– У меня не больше оснований для подозрений, чем у вас, – сказал он. – Конечно, подозрения могут указывать только в одном направлении. От исчезновения завещания выиграл только мистер Меллис.

– Точно. Итак, что вы о нем знаете?

– Я мало знаю этого юношу. Должен сказать, что никогда особо не любил его. Полагаю, он довольно умный парень. Какое-то время назад его пригласили в коллегию адвокатов, а потом он изучал медицину – надо думать, с целью заняться медицинской юриспруденцией. Насколько я слышал, он очень интересовался исследованиями моего старого друга, по крайней мере, он так говорил; при этом он мог думать о дядином состоянии. Но у них были и небольшие разногласия по какому-то медицинскому вопросу. Не знаю точно, в чем он заключался, но мистер Холфорд возражал против чего-то: то ли против метода исследований, то ли против еще чего-то такого, как против опасного и непрофессионального. Настоящей ссоры не последовало, но визиты Меллиса прекратились, и их отношения охладели.

– Где сейчас мистер Меллис?

– Думаю, в Лондоне.

– Был ли он в этом доме после того, как вы в последний раз видели завещание, и до вчерашнего дня, когда вы обнаружили, что оно пропало?

– Только раз. Он приходил повидаться с дядей за два дня перед смертью последнего. Это было в субботу. Надолго он не оставался.

– Вы его видели?

– Да.

– И что он делал?

– Всего лишь заглянул в комнату на пару минут (посетителям не разрешалось долго задерживаться). Он немного поговорил с дядей, а потом вернулся в город.

– И он не делал ничего больше, и не виделся больше ни с кем?

– Когда он уходил, мисс Гарт вышла из комнаты вместе с ним, думаю, они немного поговорили перед тем, как он ушел, во всяком случае, она вернулась не сразу. Но наверняка я не знаю.

– Вы уверены, что он тогда вышел из дома?

– Посмотрев в окно, я увидел его на дороге.

– Вы сказали, что у мисс Гарт были все ключи с тех пор, как мистер Холфорд заболел?

– Да, вплоть до вчерашнего дня, когда она передала их мне. Сиделка, сварливая женщина, постоянно придиралась к присутствию мисс Гарт в комнате больного и была недовольна тем, что надо было к ней обращаться по любому поводу.

– И нет никаких сомнений, что бюро все это время было заперто?

– Никаких. Я спрашивал у мисс Гарт об этом, как и о многом другом, не уточняя, зачем я задаю все эти вопросы.

– Как мистер Меллис и мисс Гарт относились друг к другу? Хорошо?

– О, да. На самом деле какое-то время назад я думал, что у мистера Меллиса серьёзные намерения. Возможно, она ему нравилась, или же его привлекало ожидаемое наследство молодой леди. В любом случае, ничего определенного из этого не вышло. Но я должен сказать, конечно, между нами, я не раз замечал, что в присутствии мистера Меллиса она проявляла то ли волнение, то ли робость. Но, в любом случае, вряд ли это имеет значение. Сейчас ей двадцать четыре, и она вольна поступать, как хочет. Хотя, если бы кого-то интересовало мое мнение… ладно, забудьте.

– Насколько я понял, вы давно знакомы с мисс Гарт?

– Да. Двадцать лет назад она сидела на моих коленях. Всю ее жизнь я был для нее «дядей Леонардом».

– Итак, думаю, мы по меньшей мере должны известить мисс Гарт о пропаже завещания. Может, когда с трапезой будет покончено, она заглянет сюда на несколько минут.

– Пойду и попрошу ее, – ответил мистер Креллан и, позвонив в колокольчик, отправился на поиски мисс Гарт.

Он тут же вернулся с леди. Она была миниатюрной и очень бледной девушкой; вне сомнений, в обычной жизни она была хорошенькой, но сейчас выглядела не лучшим образом. Явно измученная, она явно страдала от беспокойства и недосыпания, а ее глаза яростно горели. Когда ветер захлопнул неплотно прикрытую дверь, она нервно вздрогнула и поднесла руку к голове.

– Присядьте, мое дитя, – велел мистер Креллан, – присядьте. Это – мистер Мартин Хьюитт, которого я взял смелость пригласить сюда для помощи в одном важном вопросе. Дело в том, – добавил серьёзно мистер Креллан, – что я не могу найти завещание вашего бедного отца.

Мисс Гарт не удивилась:

– Я подумала об этом, когда вы расспрашивали меня о бюро, – мягко ответила она.

– Конечно, нет нужды говорить, насколько это важно, и чем это тебе грозит, если завещание не найдется. Я надеюсь, что ты постараешься рассказать мистеру Хьюитту все, о чем он попросит, не забыв ни единой мелочи. Я совершенно уверен – он отыщет завещание, если его только можно найти.

– Мисс Гарт, – начал Мартин Хьюитт, – насколько я понимаю, во время последней болезни мистера Холфорда ключи от этого бюро постоянно находились у вас, а бюро было заперто?

– Да, это так.

– Вам не приходилось самой пользоваться бюро?

– Нет, я даже не дотрагивалась до него.

– Тогда, полагаю, вы можете подтвердить, что это бюро никем не открывалось с тех пор, как мистер Холфорд вручил вам ключи от него, и до тех пор, пока вы не передали их мистеру Креллану?

– Да, я в этом уверена.

– Очень хорошо. Скажите, есть ли в доме место, где может быть спрятано завещание?

– Я уверена – здесь нет таких мест, о которых не знал бы мистер Креллан.

– Как вижу, это старинный дом, – заметил Хьюитт. – Есть ли здесь какие-либо тайники – я имею в виду потайные двери, сдвижные панели, скрытые ниши и тому подобное?

– Я прожила здесь почти всю жизнь, но, насколько я знаю, во всем доме нет ничего подобного, – покачала головой мисс Гарт.

– Насколько я понял, вы знаете о содержании завещания и понимаете, что для вас значит его пропажа?

– Прекрасно понимаю.

– Теперь я должен попросить вас хорошо подумать. Мысленно вернитесь на два-три дня до начала болезни мистера Холфорда и скажите: можете ли вы припомнить хоть один факт, происшествие, слово или намек, имеющие отношение к завещанию или хоть как-то связанные с ним?

Мисс Гарт задумчиво покачала головой.

– Я не могу вспомнить, чтобы о нем упоминал хоть кто-то, кроме разве что сиделки – ворчливой женщины, которая раз или два намекала, что я беспокоюсь главным образом о папиных деньгах. Я сделала что-то для него, и папа (понимаете, я всегда называла его папой), он сказал, что не забудет этого, и что я буду вознаграждена, или что-то в этом духе. Больше я не могу припомнить ничего, что хоть в малейшей степени касалось бы завещания.

– Значит мистер Меллис ничего о нем не говорил?

Мисс Гарт слегка покраснела и ответила:

– Нет, я лишь проводила его к выходу.

– Спасибо, мисс Гарт, пока я больше не буду вас беспокоить. Но если на протяжении нескольких часов вы сможете вспомнить что-то еще, то это может принести большую пользу.

Мисс Гарт поклонилась и удалилась. Мистер Креллан запер за ней дверь и вернулся к Хьюитту.

– Мы ничуть не продвинулись, – сказал он. – Чем недоступнее завещание, тем труднее наше положение с юридической точки зрения. Что же делать?

– Сиделка все еще в доме?

– Да, думаю да.

– Тогда я поговорю с ней.

Мистер Креллан вызвал сиделку. Это была сорокапятилетняя прагматичная женщина с резкими чертами лица. Она села на предложенный ей стул и ждала вопросов Хьюитта.

– Мисс Тертон, насколько я знаю, вы ухаживали за мистером Холфордом с самого начала его последней болезни?

– С 24-го октября.

– Вы присутствовали, когда мистер Меллис приходил повидать дядю в прошлую субботу?

– Да.

– Можете рассказать, как это происходило?

– Что касается разговора джентльмена с мистером Холфордом, то я, конечно, ничего не знаю, – несколько возмутилась женщина. – Это не мое дело, и для моих ушей разговор не

предназначался. Мистер Креллан был здесь и знает то же, что и я, то же касается и мисс Гарт. Я знаю лишь, что мистер Меллис оставался здесь несколько минут, а затем вышел из комнаты вместе с мисс Гарт.

– Как долго отсутствовала мисс Гарт?

– Не знаю, наверное, минут десять, а может четверть часа.

– Теперь, миссис Тертон, я хочу, чтобы вы рассказали (это очень важно), слышали ли вы, чтобы в течение болезни мистер Холфорд говорил что-либо о своей воле в отношении того, кому достанется имущество, если он умрет?

Сиделка перевела пристальный взгляд с Хьюитта на мистера Креллана и обратно.

– Вы имеете в виду завещание? – резко спросила она.

– Да. Он упоминал его?

– То есть вы не можете найти завещание, так?

– Предположим, это так, что тогда?

– «Предположим» не годится, – отрезала сиделка. – Я знаю кое-что о завещании и считаю, что вы не сможете отыскать его.

– Мисс Тертон, я уверен – если вы что-то знаете о завещании, то в интересах закона и порядка расскажете это мистеру Креллану.

– А кто защитит меня от тех, о ком я расскажу?

– Мисс Тертон, все, что вы скажете, – вмешался мистер Креллан, – будет храниться в абсолютной тайне, а источник нашей информации не будет разглашен. Даю вам слово чести. Едва ли требуется добавлять, что я позабочусь о том, чтобы никакие ваши слова не причинили вам вреда.

– Завещание утеряно. Это так?

Хьюитт был бесстрастен и непроницаем. Но по беспокойному лицу мистера Креллана сиделка безошибочно определила верный ответ.

– Да, – сказала она. – Я понимаю, что это проблема. Ну, я знаю, кто его взял.

– И кто же?

– Мисс Гарт!

– Мисс Гарт! Чепуха! – выкрикнул мистер Креллан. – Чепуха!

– Может, это и чепуха, – медленно ответила сиделка, подчеркивая каждое слово. – Может, это и чепуха, но это факт. Я видела, как она взяла его.

Мистер Креллан просто ахнул. Хьюитт пододвинул свой стул поближе.

– Если вы говорите, что это факт, тогда, конечно, сомнений быть не может, – мягко сказал он, вглядываясь в лицо женщины.

– Говорю, я видела, как она взяла его, – повторила сиделка. – Я не знаю, что это было, и зачем она его взяла. Но ведь завещание лежало в бюро, не так ли?

– Да, вероятно.

– В верхнем правом ящике?

– Да.

– Белая бумага в голубом конверте?

– Да.

– Тогда, как я уже говорила, я видела, как она взяла его. Она отперла ящик, вынула его и снова заперла ящик.

Мистер Креллан обернулся к Хьюитту, но тот не отводил глаз от лица женщины.

– Когда и как это произошло? – спросил он.

– Это было поздно вечером в субботу. Все, кроме меня и мисс Гарт, спали, и она зачем-то спустилась в гостиную. Мистер Холфорд спал, и я решила наполнить бутылку для воды, взяла ее и вышла. Проходя мимо двери этой комнаты, в которой мы сейчас находимся, я услышала шум и посмотрела на дверь – она была открыта. На столе стояла свеча, оставленная на нем еще с вечера. Мисс Гарт открыла правый верхний ящик этого бюро, – здесь миссис Тертон злобно указала пальцем на предмет мебели, словно у нее были к нему какие-то личные счеты. – И я увидела, как она вынимает синий конверт, и поскольку тот был открыт, я видела, что внутри него была белая бумага. Мисс Гарт закрыла ящик, заперла его и вышла из комнаты с конвертом в руках.

– А что делали вы?

– Я поспешно отошла, так что она вышла, не заметив меня, направившись в другую сторону – к малой лестнице.

– Может быть, – отважился предположить мистер Креллан, – может быть, она ходила во сне?

– Нет! – ответила сиделка. – Она почти сразу же вернулась в комнату мистера Холфорда и задала мне несколько вопросов о лекарствах – в этом не было ничего нового, так как, смею сказать, она любила лезть в мои дела.

– Полагаю, можно уверенно сказать, что она не спала? – спросил Хьюитт.

– Совершенно верно. Она говорила с четверть часа и хотела поцеловать мистера Холфорда, что могло бы разбудить его. Фактически, смею сказать, у нас возникли разногласия.

Хьюитт пристально смотрел в лицо сиделке еще несколько секунд после того, как та закончила говорить. Затем он сказал:

– Миссис Тертон, спасибо. После слов мистера Креллана, едва ли мне требуется повторять, что ваше доверие не будет предано. Думаю, на этом все, если только вы не хотите что-либо добавить.

Миссис Тертон поклонилась и встала.

– Добавить мне нечего, – сказала она и вышла из комнаты.

Как только она ушла, Хьюитт спросил:

– Заинтересована ли миссис Тертон в завещании?

– Нет, ее оно не затрагивает. Она ведь новый человек в доме. Возможно, – добавил мистер Креллан, как если бы ему на ум пришла мысль, – она чувствует зависть или что-то в этом роде. Она кажется сварливой, и я ни на миг не поверил ее рассказу.

– Почему?

– Он ведь абсурден. Почему мисс Гарт должна тайком столько возиться ради того, чтобы стать нищенкой? И кроме того, она не умеет лгать. Она заверила нас, что не приближалась к бюро.

– Но у сиделки честный характер, верно?

– Да, она говорит напрямую. По всем отзывам она и в самом деле прекрасная женщина, если только не считать ее желания всеми командовать и обидчивости, если что-то не по ней. Но, конечно, иногда подобные замашки далеко заходят.

– И в самом деле, – ответил Хьюитт. – Обдумаем ситуацию. Разве не может быть так, что мисс Гарт влюбилась в мистера Меллиса и пришла к выводу, что сделает благородный поступок, уничтожив завещание и отказавшись от своих прав наследования? Вы знаете, преданные женщины на такое способны.

Мистер Креллан ошарашенно уставился вперед, схватившись за голову.

– Да, они способны… Безумие. Это и в самом деле тот поступок, который я могу от нее представить – она просто олицетворяет честь и великодушие. Но тогда это ложь, – заключил он, усевшись и хлопнув себя по ноге. – Не могу поверить, что она могла бы так ужасно солгать. И к тому же с таким спокойным лицом – я уверен, она на это не способна.

– Но это возможно. Вы вряд ли способны постичь предел того, на что может пойти женщина ради любимого мужчины. Кстати, полагаю, мисс Гарт не относится к тем, кого называют «сильным характером»?

– Нет, вовсе нет. Она никогда не сможет жить одна. У нее добрая, но беспокойная душа; и кажется, что месяц беспокойств, горя и бессонницы сломил ее.

– Полагаю, мистер Меллис знает о смерти?

– Вчера я первым делом телеграфировал в его лондонскую квартиру, сразу же, как только открылся телеграф. Я забыл вам сказать, что он прибыл сюда сегодня утром – еще раньше меня. Он остановился неподалеку, думаю, в Окхэме – его телеграмма пришла оттуда. Он увиделся с мисс Гарт, но не стал оставаться, собираясь вернуться в Лондон. Когда я пришел, он уже уходил, это было около одиннадцати. Конечно, я ничего не сказал о завещании, но вероятно, что он вскоре появится снова и начнет задавать вопросы.

– Да, – ответил Хьюитт. – И продолжая эту тему, вы, конечно, можете говорить с мисс Гарт на очень личные темы?

– О, да, да. Я уже говорил вам, что мы близко друг друга знаем.

– Мне бы хотелось, чтобы при удобном случае вы поговорили с ней наедине, и, ни в коем случае не упоминая завещания, как можно осторожнее и деликатнее узнали о том, как она относится к мистеру Меллису. Является ли он ее возлюбленным или вроде того. Какой бы ответ вы ни получили, надеюсь, по ее поведению вы сможете определить истинную суть вещей.

– Хорошо, я расспрошу ее при первой возможности. Что же делать еще?

– Боюсь, что ничего. Разве что осмотреть всю остальную мебель – так же тщательно, как мы осмотрели бюро.

Прочие бюро, столы и шкафчики были обследованы, но безрезультатно. Мистер Креллан только после обеда нашел благоприятную возможность поговорить с мисс Гарт. Спустя полчаса он вернулся в кабинет к Хьюитту и был более озадачен, чем ранее.

– Они не встречались ни явно, ни тайно. Судя по тому, что я мог осторожно выяснить, Меллис действительно какое-то время назад сделал ей предложение или около того, но был категорически отвергнут. И в целом чувства мисс Гарт к нему скорее напоминают неприязнь, нежели что-либо другое.

– Это пробивает дыру в теории о самопожертвовании, не так ли? – заметил Хьюитт. – Мне нужно подумать, а также выспаться. Не исключено, что из-за отсутствия завещания завтра вам придется огорошить мисс Гарт, оставив ее ни с чем. Но я надеюсь, что до этого не дойдет.

– Я также надеюсь, – вставил мистер Креллан, усомнившийся в результате этого действия. – Она и так уже достаточно расстроена. И, кстати, после сегодняшнего визита Меллиса она выглядела ничуть не лучше.

– Но завещание исчезло.

– Да.

Так Хьюитт и мистер Креллан проговорили до поздней ночи, перебирая всевозможные варианты и не находя разумного объяснения ни в одном из них. В десять часов домашние отправились спать, и мисс Гарт пришла пожелать мистеру Креллану доброй ночи. Было решено, что и Мартин Хьюитт, и мистер Креллан останутся на ночь в Ведбери-Холле.

Вскоре дом стих, так что тиканье часов в холле доносилось до кабинета так же отчетливо, как и тиканье хронометра в самом кабинете. Дождь монотонно капал с карнизов и подоконников. Пробило двенадцать, и мистер Креллан намеревался предложить уйти на покой, когда до

настороженных ушей Хьюитта донесся звук легких шагов. Он поднял руку, призывая к тишине, и подошел к двери. Мистер Креллан последовал за ним.

В нескольких ярдах от них над лестницей горел свет, и по ней спускалась мисс Гарт в халате и тапочках. На лестничной площадке она свернула в коридор, ведущий направо.

– Куда она направляется? – прошептал Хьюитт.

– К малой лестнице в другом конце дома, – тихо ответил мистер Креллан.

– Идемте, но тихо, – сказал Хьюитт и последовал за мисс Гарт.

Та была уже у противоположного конца коридора, шла она ровным шагом, не смотря ни вправо, ни влево. На лестничной клетке в конце мерцал свет. Мисс Гарт, не мешкая, спустилась по лестнице примерно на полпролета, а затем остановилась и нажала рукой на дубовую панель.

Часть стены, до которой она дотронулась, тут же повернулась на шарнирах, открыв доступ в небольшое углубление три фута высотой и чуть больше шести дюймов шириной. Мисс Гарт наклонилась и несколько секунд ощупывала дно этой ниши. Затем она в ужасе вынула из нее пустую руку и опустилась на ступеньки. Ее голова раскачивалась из стороны в сторону, а на лбу проступили капли пота. Хьюитт с трудом удержал мистера Креллана от того, чтобы поспешить к ней на помощь.

Наконец, мисс Гарт, судорожно вздохнув, поднялась на ноги и, нерешительно постояв на месте, все же спустилась вниз по лестнице. Там она снова остановилась, схватилась за голову, обернулась и вновь поднялась по лестнице.

Хьюитт коснулся руки спутника, и они быстро, но бесшумно вернулись по коридору в кабинет. Мисс Гарт, оставив панель открытой, вернулась на верхнюю площадку и, не останавливаясь, вернулась по коридору к основной лестнице, а Хьюитт и мистер Креллан наблюдали за ней из-за двери кабинета.

Наверху лестницы мисс Гарт свернула направо и сделала еще три-четыре шага в сторону собственной комнаты. Там она остановилась и задумчиво облокотилась о перила.

– Идите наверх, как если бы вы собрались ложиться спать, – шепнул Хьюитт. – Притворитесь удивленным, что встретили ее; спросите, все ли с ней хорошо, и если сможете, то попробуйте повторить мой вопрос о наличии в доме тайников.

Мистер Креллан кивнул и немедленно направился к лестнице. На половине пути он повернул голову и воскликнул:

– Нелли, милая, что случилось? С тобой все в порядке?

Мистер Креллан хорошо сыграл свою роль, и оставшийся внизу Хьюитт услышал последовавший диалог:

– Нет, дядя, я чувствую себя не очень хорошо, но ничего страшного. В комнате мне стало душно. Я едва могу дышать.

– Ой, сегодня вечером вовсе не душно. Милая, ты простудишься. Иди и хорошо поспи; ты не должна забивать себе голову волнениями. У нас с мистером Хьюиттом был долгий вечер, но сейчас я иду спать.

– Надеюсь, вас обоих хорошо устроили, дядя?

– О, да-да, просто отлично. Мы говорили о делах, и, вне всяких сомнений, скоро мы все уладим. Кстати, после разговора с мистером Хьюиттом ты случайно не вспомнила ничего, что еще можно рассказать ему?

– Нет.

– Ты все еще не вспомнила ни о каком тайника или укромном месте, будь то в обшивке стен или еще где?

– Нет, я уверена, что не знаю ни о чем подобном, и я не верю, что здесь есть такие.

– Полагаю, ты в этом вполне уверена?

– О, да.

– Хорошо. Теперь – в постель. Здесь, на лестнице, тебя продует, и ты простудишься. Иди, я не сдвинусь с места, пока не увижу, как ты уходишь к себе в комнату. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, дядя.

Мистер Креллан спустился по лестнице. Выглядел он озадаченным.

– Не могу в это поверить, – заверял он Мартина Хьюитта. – Определенно, я не могу поверить, что она могла вот так соврать, к тому же так уверенно. Боюсь, за этим скрывается что-то ужасное. Что же это значит?

– Поговорим об этом позже, – ответил Хьюитт. – Сперва пойдем и посмотрим на ту нишу.

Они тихо прошли к малой лестнице и там пристально изучили нишу при свете свечи. Высотой ниша была в три фута, глубиной – в фут и в шесть-семь дюймов шириной. Поворотная часть дубовой обшивки разделяла отверстие по центру, стоя в нем ребром. В нише не было совершенно ничего.

Хьюитт убедился, что нет никакой защелки, и панель остается закрытой только потому, что плотно прилегает, а чтобы открыть ее, не требуется ничего, кроме как надавить на стену. Он закрыл панель и обернулся к мистеру Креллану, чтобы заговорить с ним, когда им снова помешали.

На каждом этаже лестницы соединялись коридором, а на первом этаже коридор от их лестницы вел в холл. Помимо четкого тиканья часов в холле, Хьюитт услышал звук шагов по каменным ступеням.

Мистер Креллан также услышал его. Мужчины переглянулись. Тогда Хьюитт направился в холл, закрыв свечу рукой. Там они прислушивались несколько секунд, показавшимися им часом, и тут шум повторился. Теперь не было сомнений. Он исходил из-за входной двери.

Отвечая на шепот Хьюитта, мистер Креллан заверил его, что здесь нет окна, в которое можно было бы рассмотреть человека за дверью. Кроме того, любой способ выйти окажется довольно шумным, и для него потребуется обойти весь дом. Передняя дверь была заперта на три капитальных задвижки, огромный старомодный замок и засов. Чтобы открыть ее, потребуется минута, даже если не возникнет никакой заминки. Но так как другого выхода не было, Хьюитт решил попытаться. Передав свечу спутнику, он сначала снял засов, предположив, что это наименее шумная часть. Затем, взглянув на мистера Креллана, сыщик увидел, что он забыл затенить свечу, пламя которой освещало окошко над дверью и, вероятно, виднелось через щель под ней. Но было уже поздно. В тот момент свет, очевидно, был уже замечен снаружи; раздались торопливые шаги по ступенькам, а через мгновение – шум бега по гравию. Хьюитт отодвинул засовы, распахнул дверь и бросился в темноту, оставив на пороге мистера Креллана со свечой.

Хьюитт отсутствовал минут пять-десять, хотя мистеру Креллану это время показалось целой вечностью: он в нервном напряжении стоял у открытой двери, не зная ни что происходит, ни что все это значит. Когда Хьюитт, наконец, вернулся, мистер Креллан спросил:

– Что это было? Вы видели? Вы их поймали?

– Невозможно, – покачал головой Хьюитт. – Стены сада невысоки, за ними – посадки деревьев. Но я думаю, да: я начинаю думать, что скоро смогу разобраться во всем этом. Видите?

На верхней ступеньке крыльца остались влажные следы двух ног. Хьюитт вынул из кармана бумагу, расправил ее и, осторожно приложив к более чёткому следу, немного придавил её и снял. Затем, уже в доме, он достал из кармана ножницы и осторожно обрезал бумагу по периметру мокрого пятна, так что у него остался кусок бумаги в форме подошвы ботинка.

– Может, мы чего и добьемся, – сказал Хьюитт. – Не просите меня что-либо рассказать; по сути, я еще ничего не знаю. Надеюсь, что это конец ночных приключений, но боюсь, что это – довольно неприятное дело. Думаю, сейчас мы не можем ничего поделать, кроме как отправиться спать. Полагаю, здесь найдется мастер на все руки?

– Да, он и садовник, и плотник, и много кто еще.

– Отлично! Где его каморка? Где он хранит свои лопаты, рубанки и остальное?

– Думаю, в сарае возле каретной. Обычно он не запирается.

– Очень хорошо. Мы заслужили право отдохнуть и можем поспать.

* * *

Утром, после завтрака, Хьюитт потащил мистера Креллана в кабинет.

– Можете устроить так, чтобы мисс Гарт пошла прогуляться с кем-нибудь?

– Могу отправить ее на конную прогулку с грумом. Если только она не решит, что спустя так мало времени после утраты не подобает кататься верхом.

– Не важно, это нужно устроить. Отошлите ее и проследите, чтобы она уехала. Скажите, что это приказ доктора, что ей это нужно для поддержания здоровья, или что-то в этом духе.

Мистер Креллан применил все свое влияние, и через полчаса мисс Гарт удалилась.

– Сегодня я поднялся очень рано, – заметил Хьюитт, когда мистер Креллан вернулся в кабинет. – Помимо прочего, я отправил телеграмму в Лондон. Если глаза меня не обманывают, сюда идет посыльный из телеграфа – паренек в фуражке. Да, это он. Вероятно, это ответ на мою телеграмму.

Через несколько минут телеграмма была доставлена. Хьюитт прочел ее, а затем спросил:

– Насколько я понял, вчера утром ваш мистер Меллис отправился в город?

– Да.

– Тогда прочитайте.

Мистер Креллан взял телеграмму и прочел:

> *Вчера Меллис не ночевал в квартире. Он покинул город несколько дней назад.*
> *Керретт.*

– Кто такой Керретт? – спросил мистер Креллан.

– Парень из моей конторы, толковый малый. Понимаете, Меллис вовсе не отправился в город. На самом деле он ближе, чем мы думаем. Вы сказали, у него была размолвка с дядей из-за научных практик, которые старый джентльмен описал как «опасные и непрофессиональные», так?

– Да, так оно и было.

– Тогда ключ к тайне завещания находится в этой комнате.

– Где?

– Здесь, – Хьюитт указал на книжный шкаф. – Прочитайте «Суггестивную терапию» Бернхейма и одну-две книги Гейденгайна и Бьёрнстрёма, и вам станет ясно; но это займет время, так что… но кто это? Кто-то приехал, верно?

– Да, – выглянув в окно, ответил мистер Креллан. – Это Крэнли Меллис.

– Он ничуть не побеспокоит нас. Держу пари, первым делом он направится к тайнику на малой лестнице. Если вы пройдете по коридору, то сможете увидеться с ним; но, как я вижу, вы все еще не догадываетесь, к чему я веду.

– Ни в малейшей степени.

– Я перечислил вам книги, которые можно прочесть; но сейчас это потребовало бы слишком много времени. Кратко все это изложено в энциклопедии, вот она – в углу. Я оставил закладку в седьмом томе. Не хотите ли вы открыть его и посмотреть самому?

Недоумевающий мистер Креллан взял в руки седьмой том. Между страниц, на которых тот открылся, лежал голубой конверт. Пожилой джентльмен взял конверт и вынул из него документ на белой бумаге. Креллан переводил взгляд с бумаги на Хьюитта и обратно, позволил книге соскользнуть с его колен и выдохнул:

– Это же завещание!

– А, так я и думал, – ответил Хьюитт, подхватывая падающую книгу. – Не потеряйте это место в энциклопедии. Вот название статьи. О чем она?

Мистер Креллан сжимал завещание и невидящим взглядом смотрел в книгу перед собой. Наконец, он механически прочел:

– Гипнотизм.

– Дело в гипнотизме, – заявил Хьюитт. – Опасная и ужасная сила в руках недобросовестного человека.

– Но… но как? Я не понимаю. Это… это же настоящее завещание?

– Посмотрите. Вам лучше знать.

– Да, – убедился мистер Креллан. – Определенно, это завещание. Но где оно было? Оно ведь не лежало в книге все это время?

– Нет. Разве я не говорил, что вложил в энциклопедию закладку? Объяснить будет проще, если я сперва зачитаю несколько строк из той статьи:

Хотя гипнотизм используется в медицине, он может стать чрезвычайно опасным оружием в руках неумелого или недобросовестного человека. Загипнотизированные люди совершали преступления. Под гипнозом человеку можно внушить как что-то хорошее, так и что-то плохое. Загипнотизированному вполне можно внушить необходимость неких действий в определенное время, и он совершит их автоматически, не отдавая себе отчета. То есть можно добиться забвения того, что происходило в процессе сеанса гипноза, но внушить необходимость неких действий, причем не мгновенных, а отсроченных во времени. Человек и не вспомнит, что происходило. Лица, воля которых ослаблена от страха или иных подобных причин, могут быть загипнотизированы без собственного согласия.

– И что вы из этого поняли?

– Вы имеете в виду, что мисс Гарт была загипнотизирована Крэнли Меллисом?

– Думаю, так и есть. Я уверен в этом. Вспомните, во время двух последних визитов он на какое-то время оставался наедине с мисс Гарт. А вечером после каждого из этих визитов она делала что-то, о чем впоследствии не помнила: что-то связанное с исчезновением завещания, которое стояло между мистером Меллисом и состоянием его дяди. Чья нервная система была ослаблена сильнее, чем у мисс Гарт? Вспомните также визит в прошлую субботу, мисс Гарт говорит, что она лишь провела Меллиса до двери, но и вы, и сиделка указываете на то, что какое-то время она отсутствовала. Меллис загипнотизировал ее, так что она совершенно забыла об этом, вместе с тем Меллис внушил ей, что она должна взять завещание мистера Холфорда – ночью, когда он, Меллис, уже уедет, и никто не сможет заподозрить его в том, что он что-то знает. В дальнейшем она должна была спрятать завещание в тайнике, известном лишь ему.

– Что за негодяй! Вы в самом деле думаете, что он проделал все это?

– И не только это! Я считаю, что вчера утром, пока вас не было на месте, он приходил сюда, чтобы забрать завещание из тайника. Кстати, я думаю, что тайник он обнаружил случайно, во время одного из визитов (полагаю, он бывал здесь достаточно часто), но держал его в тайне, на случай, если тот ему пригодится. Вчера он не нашел здесь завещания и повторно загипнотизировал мисс Гарт, внушив ей, что в полночь она должна взять завещание и отдать ему у парадной двери.

– Вы имеете в виду, что ночью вы преследовали именно его?

– Я совершенно уверен в этом. Будь у нас обувь мистера Меллиса, мы смогли бы убедиться в этом, сравнив его с листом бумаги – помните, я вырезал след? Но поскольку завещание у нас, в этом нет необходимости. Полагаю, теперь он снова направится к тайнику, надеясь, что завещание может оказаться там, и в конце концов предположит, что второй сеанс гипноза отчего-то не сработал. Будь мисс Гарт здесь, он бы снова попытался повторить свой трюк, потому я и попросил вас отослать ее.

– А где же вы нашли завещание?

– Перейдем к практической части. Помните мой вопрос о мастере на все руки и его кладовой? В шесть утра я нанес туда визит и нашел там сундук с отличными плотницкими инструментами. Выбрав несколько из них, я вернулся к малой лестнице и вынул из нее ступеньку – ту самую, над которой находится вращающаяся панель.

– И там было завещание?

– Осмотрев вчера нишу, я предположил, что завещание могло проскользнуть в щель на полу ниши. На самом деле ступеньки лестницы не доходили до конца ниши. Щель была не очень заметна, но я почувствовал ее, ощупав нишу. Когда субботней ночью загипнотизированная мисс Гарт спрятала завещание в нишу, оно упало в угол и провалилось под лестницу. Потому Меллис и не нашел его, как и мисс Гарт, под действием гипноза вернувшаяся туда вчера ночью. Вы заметили ее ужасное состояние и нервное потрясение, когда оказалось, что она не может выполнить приказ, полученный под гипнозом. Это было кошмарно. Возможно, внезапно разбуженные лунатики чувствуют себя так же. Как бы то ни было, все кончено. Я нашел

завещание, вот оно. Если вы пройдете к малой лестнице, то сможете увидеть, куда проскользнула бумага. Возможно, мы встретим мистера Меллиса.

– Он негодяй! – воскликнул мистер Креллан. – Жаль, что мы не можем наказать его.

– Конечно, это невозможно. Есть ли доказательства? И даже если да, то я не уверен, можно ли по закону призвать гипнотизера к ответу за действия загипнотизированного им человека. Но если и так, то вряд ли с юридической точки зрения перемещение завещания из одной части дома в другую можно считать преступлением. Моя теория полностью объясняет странности поведения мисс Гарт в присутствии мистера Меллиса. Она просто ощущала какую-то его власть над собой. Вполне вероятно, что обнаружив ее податливость, он уже проводил над ней эксперименты – для пробы. Как вы можете прочесть в книгах, гипнотизер сначала дает своим пациентам простые задания.

Как и предполагал Хьюитт, в коридоре они встретили мистера Меллиса. Это был худощавый, костлявый, смуглый и немного сутулый человек около тридцати пяти лет. Мистер Креллан свирепо набросился на него:

– Итак, сэр, чего вы хотите?

– Мистер Креллан, это очень необычный вопрос, – удивленно ответил мистер Меллис. – Это дом моего покойного дяди. Я точно так же могу спросить, чего хотите вы.

– Я здесь, сэр, как душеприказчик мистера Холфорда.

– Согласно завещанию?

– Да.

– И завещание существует?

– Ну, на самом деле мы не могли найти…

– То есть, вы хотите сказать, что называете себя душеприказчиком, но не можете подтвердить этого? – перебил его Меллис. – Вон из этого дома! Если завещания нет, я здесь хозяин.

– Но завещание здесь, – прорычал мистер Креллан, потрясая им перед собой. – Вот оно. Я ведь не сказал, что мы так и не нашли его? Вот завещание, и это несмотря на ваши подлые уловки, гипноз, тайники и все остальное! Выметайтесь отсюда, не то я прикажу вышвырнуть вас в окно!

Мистер Меллис пожал плечами, выказывая равнодушие.

– Если у вас есть завещание, назначающее вас душеприказчиком, то все в порядке, хотя я постараюсь привлечь вас к ответственности за любые правонарушения. Я покину вас, поскольку совсем не понимаю вашего поведения, если только оно не связано с выпивкой, – и после этих слов он удалился.

Мистер Креллан с минуту кипел от негодования, а затем обратился к Хьюитту:

– Надеюсь, нет ничего страшного в том, что я связал его с этим странным делом?

– Вскоре увидим, – ответил Хьюитт. – Взглянем на ту поворотную панель.

Они прошли к малой лестнице, и Хьюитт снова открыл нишу. В ней лежал синий конверт, и Хьюитт подобрал его.

– Смотрите, он надорван. Меллис был здесь, и он раскрыл конверт. Это новый конверт, я поместил его здесь специально для него, заклеив при этом – чтобы его вскрыть, потребовалось порвать конверт. А вот, что было внутри, – рассмеявшись, добавил Хьюитт, вытащив измятый лист белой бумаги. – Это всего лишь детская шутка, но я всегда любил юмор.

Он расправил смятую бумагу, на которой было лишь одно слово – РОЗЫГРЫШ.